

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

III

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Е. БЕРТЕЛЬС

К вопросу о латинизации персидской письменности

(По поводу книги М. Fātiḥ. Rāh-i pishraft. Tīhrān, 1310, 43 стр.)

Разговоры о латинизации, как известно, ведутся в Персии уже несколько лет. Правительство даже запрашивало мнение некоторых из западноевропейских иранистов (в частности Денисон Росса) по этому вопросу. Тем не менее, результатов все эти разговоры пока не дали никаких, и о практических мероприятиях в этом направлении ничего не слышно. Однако некоторые круги персидского общества, повидимому, предать это дело забвению не склонны. Об этом свидетельствует брошюра М. Фатиха «Путь к прогрессу», недавно нами здесь полученная. Хотя сам по себе вопрос о латинизации персидской письменности нами может рассматриваться только с теоретической стороны, с которой, кстати сказать, особых трудностей не возникает, но так как брошюра эта содержит некоторое количество довольно интересных фактов, то я считаю нелишним посвятить ее разбору небольшую заметку.

Брошюра эта начинается с изречений разных мыслителей о значении письма, причем в довольно пестрой смене выступают Платон, Аристотель, Хамза Исфаханский, ал-Бируни, Фархад-мирза, Мальком-хан и Таги-задэ. Затем следует отдел, посвященный недостаткам арабского шрифта в применении его к персидской письменности. Нам, проводившим энергичную борьбу с арабским шрифтом по всем восточным республикам Союза, где он ранее употреблялся, о недостатках этих приходилось говорить много раз и потому на этой части особенно долго останавливаться не стоит. Приведу только вкратце те основные пункты, на которые разбито обвинение М. Фатиха.

1. Неудобства, проистекающие от необходимости связывать между собой буквы. Автор, между прочим, дает интересную справку, что для четкого насха в печати требуется 700—900 форм, а для такого же нас-

та'лика даже до 1500. Таким образом, введение латинизации составляет громадную экономию и значительно удешевляет печатание.

2. Отсутствие знаков для обозначения гласных.

3. Изменение формы буквы в зависимости от места ее в слове. Автор указывает, что хотя всего в арабском алфавите только 32 знака, но из-за этих изменений общее количество их все же достигает 87 знаков.

4. Сходство ряда букв между собой.

5. Обилие подстрочных и надстрочных точек.

6. Неправильная извилистая форма букв, делающая их крайне неудобными в печати.

7. Движение письма справа налево.

8. Необходимость дополнительной вокализации (i'gāb).

9. Трудности при печатании.

10. Обилие букв, служащих для обозначения (в персидском) одной и той же фонемы.

11. Применение букв, которые фактически никакой фонеме не соответствуют.

12. Возможность неправильного чтения, что создает громадные затруднения при переводе научной и технической литературы, в которой новые термины читателем, с ними незнакомым, правильно прочитаны быть не могут.

13. Затруднения при составлении словарей, так как из начертания слова произношение его видно далеко не всегда.

14. Трудность распространения персидского языка. Этому пункту автор придает особое значение, так как из-за трудности преподавания персидской письменности крайне замедляется процесс иранизации крестьянства Азербайджана, Хузистана, луров и курдов.

15. Бесплезная трата времени на изучение шрифта. Здесь интересны следующие цифры. В персидских школах на изучение шрифта тратится от 3 до 4 лет, при следующем количестве недельных часов: первый класс 20, второй 14, третий 10, четвертый 9, пятый и шестой по 6.

Цифры эти, действительно, весьма красноречивы.

16. Затруднения при внедрении грамоты в широкие массы. При затрачиваемом количестве часов нужно 30—40 тыс. учителей для обучения грамоте 2—3 млн. чел. за 2—3 года.

Латинский шрифт, по мнению автора, даст возможность сократить число учителей в 10 раз. Откровенно говоря, к этому вопросу хотелось бы подходить не в плане сокращения числа учителей, а в плане расширения числа обучаемых.

Этим список заканчивается. Нельзя сказать, чтобы он был очень строго выдержан, так как некоторые пункты являются повторением в несколько измененном виде одной и той же мысли, но в общем крупнейшие недостатки все же отмечены и притом обоснованы достаточно убедительно. Характерен п. 14, ясно показывающий, от лица какого класса выступает автор брошюры.

Далее следует самый проект латиницы, выработанный около трех лет тому назад. Он представляется в следующем виде:

Гласные: а (фатха), е (кесра), о (замма), и, i, â (долгие).

Согласные (в порядке арабского алфавита) b, p, t, j (ج), ç (چ), h, x (خ), d, z (ذ—ز—ض—ط), г, j (ج), s, c (ش), f, q (ق и غ), k, g, l, m, n, v, y.

Хамза и айн в середине слова обозначаются апострофом (').

Проект этот в основном безусловно не плох и вызывает только несколько небольших возражений в части системы согласных.

Составители, видимо, тщательно старались избежать надстрочных и подстрочных знаков, что в основном вполне правильно, но все же почти ни в одном алфавите практически не осуществимо. Раз эти знаки все-таки ввести пришлось, то, пользуясь ими более рационально, можно было бы лучше осуществить основное задание составителей—дать такую латиницу, в которой применение отдельных знаков было бы оправдано существующим их применением в том или ином из европейских алфавитов. С этой точки зрения серьезные возражения вызывает введение буквы с для передачи ش. Так как подстрочный знак в ç применен, то было бы гораздо удобнее пойти по пути турецкой латиницы и НТА и обозначить ش через ş, а с использовать вместо ç для обозначения چ; довольно часто в персидском встречающегося (применение с в таком значении было бы оправдано итальянским).

С такими изменениями латиница эта была бы практически вполне приемлема. Однако здесь необходимо отметить одно весьма существенное обстоятельство. М. Фатих весьма торжественно указывает, что этот алфавит — алфавит фонетический и «пишется так, как читается» (стр. 12). Это не вполне соответствует действительности. Алфавит этот не столько фонетический, сколько просто механическая замена знаков арабского шрифта знаками латинскими. Понятно, что поэтому всех существующих хотя бы в тегеранском говоре фонем он не отражает и точным отражением произношения, конечно, не будет, как не бывает им ни один алфавит, созданный для практических целей, а не для точной научной транскрипции. Как на пример, можно сослаться на следующие факты. При механической замене

фатхи на а мы получим начертания *saxt*, *baht* и рядом с этим *tan*, *man*, *sams*. Едва ли какой-нибудь тегеранец произносит а в первых двух словах так же, как в словах второй группы.

Далее, при такой же замене заммы на о, получаем начертания *obug*, *mogur*, *ogus*. Однако во всех этих словах на деле происходит ассимиляция двух *u* и звучат они, конечно, как *ubug*, *muqur*, *ugus* и т. д. Наконец, едва ли можно считать, что начертания *vaqt*, *paqs*, *saqf* точно передадут произношение этих слов, где в первых двух случаях происходит оглушение звонкого спиранта *q* (ع), а в последнем обычно выпадает глухое *f*.

Однако все это на практике вовсе не страшно, так как, понятно, ставить себе задачей отражение всех звуков языка ни один алфавит (практический) не может. Оговорить здесь это нужно было только потому, чтобы рассеять опасное заблуждение автора и показать, что создание одной таблицы алфавита без разработки орфографии еще вопроса латинизации не разрешает.

После нескольких кратких замечаний по поводу таблицы автор переходит к тем возражениям, которые в настоящее время выставляются противниками латинизации. Эта часть представляет для нас значительный интерес, так как именно она яснее всего показывает, какими доводами оперируют в настоящее время враги латинизации на зарубежном Востоке, и поэтому коснуться их здесь вкратце не мешает.

Они сводятся к следующим пунктам.

1. Связь арабского шрифта с исламом. Введение латиницы, яко бы, ослабляет мусульманское правоверие. Это замечание, может быть, по существу и не лишено известного значения, но только, конечно, не в той форме, в которой оно выставляется. Все же замечания Фатиха об отсутствии связи между религией и шрифтом вполне резонны и не нуждаются в долгом обсуждении.

2. Связь шрифта с национальной идеей. Введение латиницы, будто бы, вредно отзовется на национальной независимости Персии. Автор рассказывает, что один из его друзей предложил для сохранения национальной идеи в полной чистоте заменить арабский шрифт не латинским, а письмом Авесты. Правда, автор оговаривается, что он не знает, может быть, это была только шутка. К сожалению, нужно полагать, что это не была шутка, так как аналогичное предложение и не в шутку, а вполне серьезно, уже было сделано в печатном виде известным персидским поэтом националистом Пур-и Даудом.¹

¹ Pourç-Davoud. Pouran-dokht-nāmeḥ. The Poems of... Bombay, 1928, стр. 18—19.

Если припомнить, что и некоторые деятели кемалистской Турции еще несколько лет тому назад помышляли об использовании орхонского алфавита для турецкой письменности, то, несмотря на всю абсурдность таких предложений, станет ясно, что националистически настроенная буржуазия в своем преклонении перед «великим прошлым» очень часто не может достаточно четко ощутить всю нелепость своих планов. Фатих прекрасно демонстрирует таким «хранителям заветов старины», что на всем протяжении истории Персия никогда не имела не заимствованного у кого-нибудь алфавита, в чем, однако, она не отличается от большинства европейских народов.

3. Изменение алфавита, яко бы, грозит гибелью истории и литературе Персии. Это возражение автор считает наиболее серьезным, но его доводы очень хорошо доказывают, что именно латинизация-то и поможет сохранить старую литературу, которая сейчас находится под серьезной угрозой. Фатих считает, что в настоящее время печатных персидских книг существует не более 3—4 тыс. Неизданных рукописей, по его мнению, тысяч восемь. С другой стороны, культурное развитие требует тысяч и тысяч новых книг. Что же лучше, перепечатать эти 3—4 тыс. латиницей или обречь все развитие на неизбежную задержку. К тому же печатать латиницей настолько удешевляет печать, что издание всей еще неизданной классической литературы станет вполне возможным. Таким образом и тут латиница дает только выгоды. Эти замечания в основном правильны, хотя нельзя не признать, что автор, во-первых, несколько преуменьшает число существующих печатных книг и рукописей, а, во-вторых, немножко слишком легко относится к вопросу об издании старых памятников, которые все-таки далеко не всегда можно будет без ущерба для дела перевести на латиницу.

4. Почему латинский, а не какой-нибудь другой шрифт? Ответ на этот вопрос настолько самоочевиден, что останавливаться на нем не стоит.

5. Возражение вызывает введение одного и того же знака для ряда различных арабских букв (s, z), имеющих, однако, одинаковое (в персидском) произношение. Основной ответ Фатиха совершенно правилен — нужно забыть о том, что эти слова были арабскими. Сейчас они такие же персидские слова, как и всякие другие. Подкрепляется это замечание длинной цитатой из брошюры известного Таги-задэ «Muqaddima-ji ta'lim-i 'umūmi jā jakī az sar-faslā-ji tamaddun».

Один из доводов этой брошюры очень интересен. Слово تبریز, написанное с точками, допускает 147 чтений, без точек 768. Будучи написано

латиницей Tabriz, оно допускает возможность возвести его только к 8 различными начертаниям арабского шрифта, конечно, если допустить, что оно арабского происхождения. Выгода вполне очевидна.

6. Введение латиницы повлечет умножение заимствований из европейских языков. Автор отвечает, что и без всякой латиницы исторический процесс все равно уже вызывает увеличение числа интернациональных слов.

7. Почему у европейцев, пользующихся латиницей, алфавиты так несовершенны. Ответом служит справка об исторической орфографии многих европейских языков.

8. Почему японцы не реформируют своего алфавита. Автор весьма резонно показывает, какие значительные трудности в данном случае стоят перед Японией. Уже один факт существования сотен тысяч печатных книг на старом шрифте—крупнейшее препятствие. Ссылка на Японию—эту мечту националистической буржуазии всего персидского Востока—в данном случае весьма любопытна.

9. Уничтожение арабского шрифта погубит каллиграфию.

10. Арабский шрифт позволяет экономить время и бумагу. Эти два последние возражения настолько очевидно несостоятельны, что на них останавливаться, пожалуй, не стоит.

Далее следует весьма интересный пятилетний план проведения реформы алфавита, который заслуживает того, чтобы привести его здесь целиком.

1-й год

1. В начальных школах новый шрифт изучается с 1-го класса параллельно со старым, но пишут только по-новому.

2. Во всей стране открываются бесплатные курсы по латинизации для всех грамотных.

3. Министерство народного просвещения отпускает известную сумму на печатание новым шрифтом некоторого количества книг, которые должны продаваться дешевле старопечатных книг.

4. Все военные и гражданские чины в течение года должны изучить новый шрифт и сдать по нему экзамен.

5. Отдел внутренних известий в газетах печатается латиницей.

6. Учебники для 5-го—6-го классов средней школы печатаются новым шрифтом.

7. Подготавливается к печати легкая начальная книга (очевидно, букварь) на новом шрифте.

2 - й год

1. В первых двух классах начальной школы преподавание ведется только на новом шрифте.
2. Государственные учреждения ведут переписку только на новом шрифте, но направляемые к ним со стороны частных лиц бумаги могут быть написаны и арабским шрифтом.
3. Открываются (дополнительные) курсы по латинизации.
4. В газетах латиницей печатаются передовые, внутренние и внешние известия.
5. Отпускаются средства на печатание старых книг новым шрифтом.
6. Печатаются учебники для 3—4 классов средней школы.

3 - й год

1. В трех первых классах начальной школы преподавание ведется только на новом шрифте.
2. Направляемые в министерства бумаги принимаются только на новом шрифте, за исключением двух министерств — финансов и юстиции.
3. Суммы, отпускаемые на печатание старых книг, утраиваются по сравнению с первым годом.
4. Газеты целиком переходят на новый шрифт.
5. Учреждаются курсы для неграмотных.
6. Печатаются учебники для 1-го—2-го классов средней школы.

4 - й год

1. Латиница применяется уже в четырех первых классах начальной школы.
2. Министерство финансов тоже принимает бумаги только на новом шрифте.
3. Суммы, отпускаемые на печатание старых книг, удваиваются.
4. Количество курсов увеличивается.

5 - й год

1. Начальная и средняя школы целиком переходят на новый шрифт.
 2. Все министерства принимают бумаги только на новом шрифте.
 3. Отпуск средств на печатание старых книг увеличивается в пять раз.
 4. Количество курсов увеличивается еще больше.
- Заключает брошюру краткая характеристика важнейших типов противников нового алфавита, которых автор делит на следующие категории:
1. Наиболее многочисленная группа—люди, привыкшие к арабскому шрифту и не желающие менять его просто в силу известной косности и лени.

2. Второй разряд—каллиграфы, питающиеся арабским шрифтом и потому опасющиеся, что уничтожение его лишит их единственного источника дохода.

3. Третья группа — наиболее зловредная из всех — люди, считающие, что весь смысл образования и грамотности только в том и заключается, чтобы уметь отличить, где поставить сад и где син. Люди эти, по мнению автора, считают литературу своей непосредственной собственностью и не желают, чтобы она стала всеобщим достоянием.

4. Четвертая немногочисленная группа — грамотные, не знакомые ни с какими из языков, применяющих латиницу, и потому страшющиеся ее, как чего-то нового и очень трудного.

5. Наконец, пятая группа — иностранцы, изучившие арабский шрифт и извлекающие из своих знаний доход.

Автор оговаривает, что ориенталистов он при этом в виду не имеет и не сомневается в их искреннем сочувствии нуждам Персии. Он говорит о тех, кто хотел бы, чтобы Восток навсегда остался в состоянии средневековья и помогал бы им обогащаться за его счет.

В общем, нельзя не признать, что важнейшие категории противников латинизации намечены вполне правильно; только, по вполне понятным причинам, автор не рискнул (или не сумел) достаточно четко определить их настоящее лицо. Даже из его крайне суммарно намеченной характеристики становится однако вполне ясно, что он имеет в виду преимущественно феодальную аристократию и европейских империалистов — те две группы, для которых, конечно, латинизация ни в какой мере не приемлема, как идущая вразрез с их жизненными интересами.

Брошюра составлена неплохо и безусловно может оказаться полезной для пропаганды идеи латинизации персидской письменности. Она является ярким доказательством того факта, что национальная буржуазия ясно сознает всю пользу латинизации для ее личных интересов и понимает, что без достаточно широкого распространения грамотности невозможно подготовить те кадры, которые необходимы для создания своей собственной национальной промышленности.

Особенно интересным моментом надо считать попытку проведения строгого плана в деле латинизации и недопущения стихийного введения ее в жизнь. Очевидно, с одной стороны, опыт турецких соседей, с другой — та громадная работа, которая проделана в этом направлении в СССР, не остались без результата для Персии и персидскими общественными деятелями учитываются.